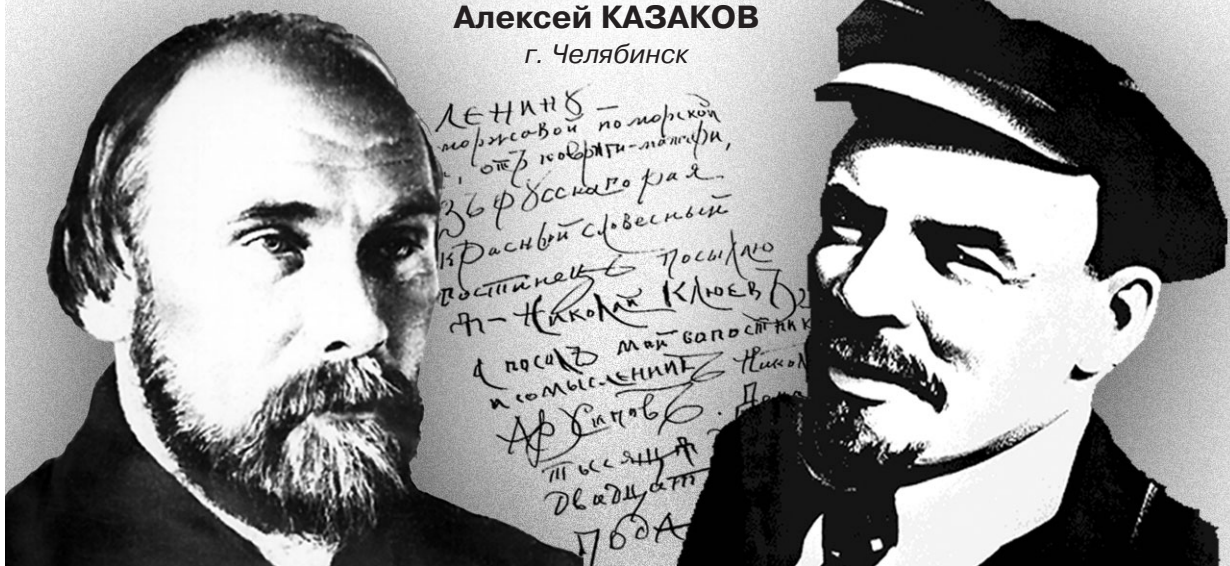

Алексей КАЗАКОВ

г. Челябинск

КЛЮЕВ – ЛЕНИНУ: «СЛОВЕСНЫЙ ГОСТИНЕЦ ИЗ РУССКОГО РАЯ»

Занимаясь на протяжении ряда лет (1997–2010) подготовкой Полного собрания сочинений великого русского поэта Николая Алексеевича Клюева, мне довелось исследовать ряд самых разнообразных архивных материалов, проясняющих личность поэта и его время. К числу поистине уникальных документов относится инскрипт (дарственная надпись) Клюева на книге «Ленин», которая ныне хранится в бывшем кабинете В. И. Ленина в Кремле, а именно в его личной библиотеке.

В 90-е годы прошлого XX века мемориальная ленинская квартира-музей была выселена (по распоряжению президента Б. Н. Ельцина) из стен Московского Кремля в музей-заповедник Горки Ленинские. Именно здесь в апреле 2000 года я впервые увидел клюевский сборник стихов, посвященных вождю. По существу – это не книга, а самодельный блок из десяти стихотворений цикла «Ленин», взятых Клюевым из своего двухтомника «Песнослов» (1919). Те несколько страниц поэт любовно переплел сам в парчу XVII века с золотой ниткой. Как же попали эти клюевские стихи в ленинскую библиотеку?

В конце декабря 1921 года в Москве состоялся 9-й Всероссийский съезд Советов, одним из делегатов которого от Вытегорского уезда (малой родины поэта) был близкий друг Клюева Николай

Ильич Архипов (1887–1967) – журналист, музейщик, педагог. Он по просьбе поэта и передал через Н. К. Крупскую сей дар своего товарища.

Помимо этих стихов, я видел в личной библиотеке Ленина еще два сборника стихов Николая Клюева: «Избяные песни» (Берлин, «Скифы», 1920. 30 с.) и «Песня Солнца. Земля и железо» (Берлин, «Скифы», 1920. 19 с.). Каждая книга имеет свой порядковый номер: № 6094 «Избяные песни», № 6095 сборник «Ленин» и № 6096 «Песня Солнца». Но с дарственной надписью только ленинский цикл. На обороте титульного листа авторская надпись (с точным сохранением графики инскрипта):

ЛЕНИНУ –

*от моржовой поморской
зари, от ковриги-матери,
и изь руссаго рая
красный словесный
гостинець посылаю
я – Николай Клюевъ,
а посоль мой сопостникъ
и сомысленикъ Николай
Архиповъ. Декабря
тысяща девятсотъ
двадцать перваго
года.*

Клюевские стихи Ленин, судя по всему, не читал, листы чистые, без помет, да и сама идея «русского рая» была глубоко чужда вождю Октябрьского переворота, призывавшему в своих карательных декретах искоренять, прежде всего, русскую самобытность и духовность русского народа. Достаточно взглянуть на состав ленинского правительства – от Льва Троцкого и Якова Свердлова до Иосифа Сталина и Емельяна Ярославского, когда у каждого члена правительства были сплошные клички и благозвучные псевдонимы.

Тема «Художник и власть» имеет давнюю традицию на Руси, равно как и в других странах. Клюев-поэт еще с дореволюционных пор тяготел к сильным мира сего: известна его близость к Царскому Селу через Григория Распутина (весьма показательна в этом плане клюевская автобиографическая проза-эссе «Гагарья судьбина»).

Образ Ленина занимал воображение поэта с 1918 года, когда он стал создавать цикл из десяти стихотворений («Есть в Ленине керженский дух...», «Братья, сегодня наша малиновая свадьба...», «Смольный – в кожаной куртке...», «Багряного Льва предтечи...», «Октябрьские рассветки и сумерки...», «Стада носорогов в глухом Заонежье...», «Пора лебединого отлета...», «Октябрь – месяц просини, листопада...», «Воздушный корабль», «Посол от медведя»).

В 1918 году первые три стихотворения были объединены Клюевым в цикл «Певучая руга» рукописного сборника «Ленин» (хранится в Санкт-Петербурге, в Российской национальной библиотеке). К началу 1919 года поэт завершает цикл «Ленин» из названных стихотворений, но в 1923 году при подготовке нового сборника поместил эти стихи в раздел «Багряный лев». В дальнейшем имя Ленина проходит чередой в самых разных стихотворениях Клюева («Родина, я грешен, грешен...», 1919; «Мы верим в братьев многоочитых...», 1919; «Ленин на эшафоте», 1921; «Я, кузнец Вавила...», 1926; «Корабельщики», 1926); а также поэмах («Деревня», 1926; «Песнь о великой матери», 1929–1934).

Восприняв Ленина как образ-символ своей исторической эпохи, Клюев многократно, под разным

текстологическим углом рассматривает это имя-личность в частностях и в целом. Здесь: «Ленин – птичья октябрьская тяга, / Щедрость гумен, янтарность плодов...»; «Ленин – Красный олень...», «Ленин – тундровой Руси горячая печень, / Золотые мошки, жестокий крестец...»; «ярый вождь»; «грозовой Ленин»; «альбатрос-капитан»; «Ленина лик»; «Жизни ухо подслушало «Люди» и «Енин»».

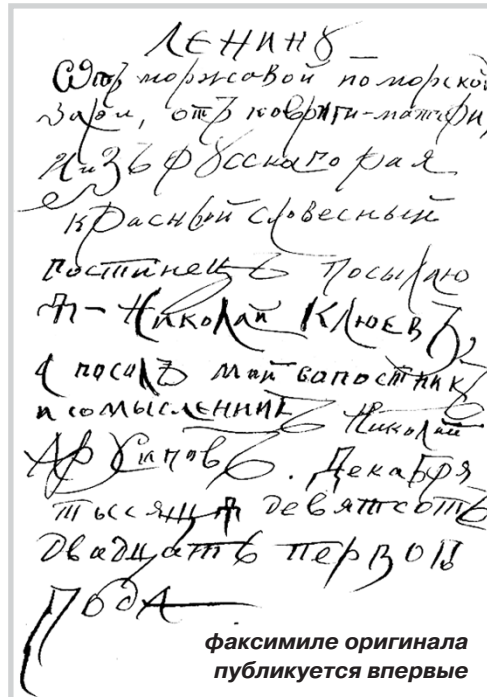
Во всевозможных языковых значениях Клюев интерпретирует образ Ленина, пытаясь как бы вывести из множества текстовых парадигм единую формулу личности вождя Красного Октября. Более то-

го, даже не зная многочисленных псевдонимов и партийных кличек В.И.Ульянова (как выяснили советские историки – их было числом 146!), поэт услышал в слове «Ленин» – «эскимосскую кличку», наделив его чертами главного шамана октябрьской революции. Пожалуй, никто так, как Клюев, не разрабатывал в нашей литературе образ Ленина (куда там глашатаям-стихотворцам с их поверхностно-плоским видением наступивших революционных событий!). Вовсе не случаен тот факт из творческой биографии поэта, что именно Николай Клюев был в числе главных лиц, когда читал ленинский цикл в Ленинграде в январе 1925 года на устроенном местным отделением Всероссийского союза поэтов вечере «Ленин в поэзии» (Дом искусств, проспект 25-го Октября, 86 – ны-

нешний Невский проспект).

Напомним, что клюевская книжка «Ленин» вышла в те годы тремя изданиями: 1-е выпустило в свет в ноябре 1923 года (при жизни Ленина) Петроградское отделение Госиздата РСФСР, хотя на титульном листе дата – 1924); в том же 1924 году вышли 2-е и 3-е издания книги «Ленин», но уже в Ленинградском отделении Госиздата.

К осмыслению ленинской темы по-своему, с крестьянским уклоном, Клюев пришел отнюдь не стихийно. Еще в юности он увлекся народовольческим движением (достаточно вспомнить его стихи, посвященные поэтам-«народникам» Александру Добролюбову и Леониду Семенову), затем марксистскими идеями, считая себя социалистом-революционером, выступая на различных сельских

факсимиле оригинала
публикуется впервые

сходах и городских митингах, за что подвергался арестам и заключению в тюрьмы Вытегры, Петро-заводска и Выборга. Клюев как поэт-агитатор революционных идей начинается с 1905–1907 гг. Сами названия его стихов тех лет говорят за себя: «Безответным рабом...», «Где вы, порывы кипучие...», «Народное горе», «Гимн свободе», «Проснись!».

Отзвуки этих ранних клюевских стихов-деклараций явственно прозвучат в постреволюционные годы (1918–1921), но уже в виде законченных гражданских манифестов («Красная песня» – с подзаголовком «Русская марсельеза», «Республика», «Солнце Осьмнадцатого года...», «Огонь и розы на знаменах...», «По мне Пролеткульт не заплачет...», «Чернильные будни в комиссариате...», «Россия плачет пожарами...», «Красный Адам», «Маяковскому грезится гудок над Зимним...», «Песнь Солнца...», «Заутреня в татарское иго...»; пьеса «Красная Пасха»; статьи: «Великое зрение», «Красный конь», «Красные орлы», «Красный набат»).

Именно в этот временной промежуток (1908–1916) Клюев-поэт набрал свою художественную силу, пройдя сквозь горнило хлыстовских «Братских песен. Песен голгофских христиан» (стихотворения-гимны: «О, поспешите, братья, к нам...», «Поручил ключи от ада...», «Ах вы, други – полюбовные собратья...», «Ты взойди, взойди, Невечерний Свет...», «Вы, деньки мои – голуби белые...», «Он придет, Он придет, и содрогнутся горы...», «Растворителя, врата...», «Песнь похода», «Песнь утешения»).

В 1917 году Клюев делает окончательный выбор в пользу грядущей революции: в феврале он пишет письмо-трактат «Бисер малый от уст мужицких» ктитору Феодоровского собора в Царском Селе полковнику Д. Н. Ломану, непосредственному начальнику С. Есенина по военной службе, – письмо, содержащее отказ (от своего имени и от имени Есенина) воспеть в стихах «лик Царя и аромат храмины Государевой». К месту замечу, что свой бунтарский слог-стих Клюев довольно скоро смирил, прославляя в последующие десятилетия вождя Октября и его приспешников, вплоть до «кремлевского горца» Сталина, выкликнув из сибирской ссылки-заточения отчаянное: «Прости иль умереть вели» (поэма «Кремль», 1934). Но этот предсмертный крик поэта не был услышан обитателями Московского Кремля...

Стоя одной ногой буквально на краю могилы, Николай Клюев создает на случайных клочках бумаги поэму-исповедь «Кремль», в строках которой бредит наяву «виденьем красного Кремля». И где? «Под небом хмурого Нарыма» и «В колодевом остяцком гробе». У полупарализованного старика поэта еще находятся силы славить «коммуны облик златокарий»...

И вновь поклон-покаяние перед жестокой властью:

*И пью, бывшее потребя,
Кремль зарнокрылый, из тебя
Корнями огненную брагу,
Чтоб перелить напиток в сагу,
Как жизнь, республику любя!
Где профиль Ленина лобатый
Утесом бороздит закаты!¹*

В клюевских «словесных извивах и срывах» вырываются «окаянные», брэнчащие, словно жечь на ветру, живописно-идеологические пастозные подмалевки:

*Брусничный цвет и мох олений
Повыпряли, как пряжу, Л-е-н-и-н.
За ними старому медведю,
На свежем буквенном прогале
Строка торжественная С-т-а-л-и-н
Сверкнула золотом и медью...²*

В канун Февральской революции 1917 года Клюев начал писания своего «нового псалма» в стихах, в которых назревала «русская марсельеза». Клюевский цикл «Земля и железо», вышедший в сборнике «Скифы» (1917), еще удерживает поэта от сплошного агитпроповского «Красного звона» (1918), но буквально в считанные месяцы Клюев резко левеет, кумится с братьями-коммунистами в родной Вытегре, сотрудничая с местной городской организацией РКП(б), созданной в апреле 1919-го. По инициативе поэта в Вытегре проходят «Красные вечера». Более того, он избран почетным председателем городской парторганизации, а на вечере памяти К. Маркса выступил с «малым словом от уст брата-большевика» («На пороге счастья и вечности»), а также с чтением стихов, в частности, «Небесного вратаря» и поэмы С. Есенина «Товарищ». На этом вечере прошло первое представление пьесы Клюева «Красная Пасха» (текст не сохранился).

В июне 1918 года в московском журнале «Знамя труда» (№ 1) печатается стихотворение «Есть в Ленине керженский дух...», положившее начало большому поэтическому циклу. На протяжении пяти лет этот цикл формировался идеологически и художественно.

¹ Наследие комет: Неизвестное о Николае Клюеве и Анатолии Яре-Кравченко. Т. А. Михайлов. Москва – Томск, 2006. С. 204.

² Там же. С. 213.

В первом стихотворении сразу прозвучала аввакумовская интонация:

*Есть в Ленине керженский дух,
Игуменский окрик в декретах,
Как будто истоки разрух
Он ищет в «Поморских ответах»³.*

Подобное Клюев позволял себе в давней дореволюционной переписке с Александром Блоком. Взяв на себя однажды мессианскую роль, поэт наставлял и пророчествовал до конца своих дней, очертив в стихах свое предназначение на этой земле в том же 1918 году:

*Я – посвященный от народа,
На мне великая Печать,
И на чело свое природа
Мою прияла благодать (391).*

Под видом «красной молви» Клюев четко обозначил суть новой наступившей советской власти:

*Есть в Смольном потемки трущоб
И привкус хвои с костяникой,
Там нищий колодовый гроб
С останками Руси великой (378).*

Пропев отходную былой Руси, поэт еще пытается приподнять ленинскую тему бодрим «глаголом краснозвонным», но правда жизни выше плакатных рифм. И в последующих стихах цикла Клюев искусно сочетает славословие «Октябрьской грозе», в раскатах которой воспеваает «пламенеющий Ленинский рай», и скрытую страшную правду о грядущей гибели русской земли, ее народа, всего, что беззащитно перед грядущим валом «душегубных пучин». Весь этот цикл построен на разнополярности смысла языковой стихии поэта, который свободно маневрирует солнцем и луной, владеет по-хозяйски мирозданием, усмиряя «океанские храпы» подобно Титану-земледержцу, но не может сам себя перехитрить. Да, у него «Ленин – Красный олень... пасется меж строк», однако в итоге: «Авось и Низги – наши боги / С отмычкой, с кривым ножом...» И «октябрьские рассветки» очень скоро перешли в сумерки...

И вот оно, признание, прозвучавшее задолго до страшного врага на Каштаке еще пока далекого Нарыма:

*Так рождается Слово. И пуля в лопатке –
Двоеточье в строке, вестовые Конца...
Осыпайся, Октябрь, и в тресковые кадки
Брызни кровью стиха – голубого песка (401).*

Конечно, речь идет здесь о покушении на Ленина в 1918 году, но насколько все пророчески сказало на судьбе самого поэта, затылком чуявшего неотвратимый свинец «красного сполоха»...

Как воспоминание о той расстрельной неотвратимости вот эти строки памяти Клюева, написанные в бывшем ссыльном Томске в нашем XXI столетии:

ВЕТЕР С КАШТАКА⁴

Авось и Низги – наши боги
Клюев

*Авось и Низги – наши боги
с молитвой кривому ножу.
Вернулись расстрельные дроги
по слякотно-снежной дороге.*

– Кто, маменька, там, на пороге?

– Спи, Коленька, я погляжу...

*Изба моя сладкая снится
и снится. Душевный назрел
нарыв, – но тюрьма не больница.
Которую ночью расстрел –
а может, отложат...*

– Спи, Коля,
на К заключенных полно.
Спи, Коленька, мальчик мой, вволю...

*Телега с каштачного поля
везет нам, пустая телега,
пропахшее смертной мочою
одно на всю осень рядом;
там, слышно, лежит мешковина –
чтоб сверху...*

– Спи, маленький мой,
спи, Коленька. Скоро домой...

*А я как закрою глаза –
одна на все веки картина:
несет Богородица Сына, –
и больше не вижу: слеза.*

³ Клюев Н.А. Сердце Единорога: Стихотворения и поэмы. – СПб.: РХГИ, 1999. С. 377. В дальнейшем ссылки в тексте с указанием страницы.

⁴ Серебренников Н.В. Ветер с Каштака// Венок Николаю Ключеву. (1911–2003). М.: Прогресс-Плеяда, 2004. С. 204–205.

О чем думал и вспоминал Клюев на каторжном этапе из Москвы в Томск и Колпашево?.. Может быть, вот эту «стихотворную трубную медь»:

*Я построил воздушный корабль,
Где на парусе Огненный лик (406-407).*

Или:

*Я под Смольным стихами трубил,
Но рубиново-красный солдат
Белой нежности чайку убил
Пулеметно-суровым «назад» (407).*

То была не бытовая гибель чеховской чайки в уютном мире русской усадьбы, здесь последствия великого Октябрьского дурелома с его травмированным социальным сознанием, когда отдельные личности, составлявшие народ как единое целое, стали постепенно превращаться в безвольную рабскую биомассу под водительством вождей-временщиков.

Растаял вдали клюевский «воздушный корабль» и:

*Только с паруса Ленина лик
С укоришной на Смольный глядит,
Где брошюрное море на миг
Потревожил поэзии кит (407).*

Действительно, кит! Именно таков Николай Клюев – мощный поэтический глас XX столетия! Поэт эпической силы, объявший в слове века и народы, убежденный по праву в своей богоизбранности:

*Я – из ста миллионов первый
Гуртовщик златорогих слов,
Похоронят меня не стервы,
А лопаты глухих веков!*

Но при всем своем величии он нарушил заповедь Мефистофеля, сказавшего устами и пером Гете: «Противны мне тираны и рабы».

Совсем не случайны в данном контексте строки поэта, его убежденность, граничащая с наивностью святой простоты:

*И возлюбит грозный Ленин
Пестрядинный клюевский стих.*

Сие, однако, не сбылось, равно как и другие мечты-надежды...

Да, кит-поэт, выброшенный на сушу...

Приветствуя пришествие Ленина, поэт смотрит на него восторженно, как на «идеального царя» нового времени, ставшего посредником между Спасом-

Богом и народом. Ленин-спаситель одновременно и «ураганное слово», вождь, разрушающий многовековой уклад народной жизни, и предвестник грядущего Царства, Рая земного, цветущего «лугами беззимними». Для Клюева важен не сам Ленин как человек, а его образ-символ наступившего революционного мира. И здесь поэт развернулся во всю мощь, наполнив весь ленинский цикл космогоническими и зооморфическими образами-символами: от «пяты мироздания – поддонного гранита» до птицы-демурга гагары. Как посланник славянской и русской мифологии, Клюев трактует образ Ленина полисимволическими образами животных, воскрешая весь известный ему славянский беастиарий, включая библейский Ветхий Завет и старообрядческую книжность. В русле сказанного ключевым становится последнее стихотворение цикла «Посол от медведя». Приведу его полностью, ибо впрямую перекликается с клюевским «словесным гостинцем» – инскриптом Ленину:

*Я – посол от медведя
К пурпурно-горящему Льву; –
Малиновой, китежской медью
Скупаю родную молву.*

*Китеж, Тайна, Финифтяный рай,
И меж них ураганное слово:
Ленин – кедрово-таежный рай (май),
Где и солнце, как воин, сурово.*

*Это слово кровями купить,
Чтоб оно обернулось павлином...
Я – посол от медведя, он хочет любить,
Стать со Львом песнозвучьем единым (407-408).*

Как медведь-лаюн (дух, оберегающий клады), поэт приходит к новому Мессии (Ленину), духовно возвышаясь над ним – Клюев называет Ленина «медвежий последний» (вспомним клюевскую прозу «Праотцы», где медведи – старцы-старообрядцы). Посол от медведя – это вестник потаенного града Китежа. Дальнейшие строки – метафорическое осмысление китежской тайны, к которой поэт-посол пытается приобщить огненного Льва (здесь двойной символ: апокалиптическое животное и символ Антихриста у старообрядцев). Мы вновь встречаемся с двойственной природой клюевского стиха-загадки, где каждое слово с поддонным слоем. В душе, про себя, поэт понимает, что никогда не получится «стать со Львом песнозвучьем единым», потому как это противоречит самой природе устройства мира. Песнь любви между Медведем и Львом – невозможна!

...Из воспоминаний близкого друга Клюева художника Анатолия Яр-Кравченко:

«Раз он поет былину. Плачет и говорит:
– Русскому человеку всегда хорошо поплакать.
Встал как-то и, подняв красные веки (воспаленные слезами), промолвил:
– Тяжелы ступени чужих лестниц. Знаешь, хочется свой угол наладить»⁵.

Налаживая свой поэтический угол, Клюев шел навстречу советской власти, но его мужицкий рай не совпал с пролеткультовской коммуной. Да, для художника всегда тяжелы ступени чужих лестниц. Это очень хорошо подметил Л. Д. Троцкий в очерке «Николай Клюев», который он поместил в своей книге «Литература и революция» (1923).

Прошлое и настоящее Клюева – это его «русский рай» родного Олонца. И этот реальный, невыдуманный рай на земле поэт, в итоге, не променял на посулы «багряного Льва», хотя для этого понадобились годы прозрения, которые пришлось на принудительную коллективизацию, голодомор, Соловки, Беломорканал...

В начале 1930-х годов Клюев резко пересмотрел свое авторское отношение к сборнику «Ленин». Строки покаяния прозвучали как исповедь в поэме «Песнь о великой матери»:

*Увы... волшебный журавель
Издок в октябрьскую метель!
Его лодыжкой в запал
Я книжку <«Ленин»> намарал,
В ней мошкара и жуть болота,
От птичьей желчи и помета*

*Слезами отмываюсь я,
И не сковать по мне гвоздя,
Чтобы повесить стыд на двери!.. (752)*

Так ключевое имя революционной эпохи стало лишь промежуточным фактом творческой биографии поэта. Сегодня этот факт интересен нам, скорее, с точки зрения чистой лингвистики и самовитого архетипа. Логически звучит в этом контексте объяснение свойства имени «Ленин» как словесного знака филологом-исследователем С.Н. Смольниковым (Вологда): «Образ Ленина, созданный Н.Клюевым, необычен и нетрадиционен для поэзии после-революционной эпохи. Однако не только этим определяется его художественная уникальность. Одним из первых поэт, используя культурные и архетипические коды, сумел оценить величие и обреченность вождя социалистической революции и во многом предугадал развитие современных историософских концепций социальной истории России XX века».

От себя добавлю: клюевский инскрипт, обращенный к вождю, звучит ныне как художественное дополнение к циклу «Ленин», так как он в смысловом ключе выстраивался из тех же стихов, начиная с 1918 года. К счастью, время сохранило для нас на бумаге графический узор «Словесного гостинца» поэта, и этот дар нам еще предстоит осмыслить и оценить.

⁵ А.Н. Яр-Кравченко. Из записной книжки//Николай Клюев. Воспоминания современников/ Сост. П.Е. Поберезкина. М.: Прогресс-Плеяда, 2010. С. 444-445.

Алексей Леонидович КАЗАКОВ

родился в 1949 году в Челябинске.

Литературовед, критик, издатель.

Окончил Литературный институт им. А. М. Горького

и аспирантуру Института мировой литературы

им. А. М. Горького Академии наук СССР.

Член Союза журналистов РСФСР и член Союза писателей России.

Выпустил ряд книг, в частности — о творчестве С. Есенина.

Опубликовал десятки статей и очерков в «Литературной России»,

«Комсомольской правде», «Литературном обозрении»,

«В мире книг» и других изданиях.

Живет в Челябинске.

